

некоторых островах и на склонах вблизи русел обильного стока), основным или весьма важным источником которого являлись горные области. Здесь происходило стайвание накопившихся больших объемов снега и льда. При накоплении этих масс снеговая граница значительно опускалась, а при таянии, наоборот, столь же резко и значительно поднималась. Главной причиной таких изменений были колебания притока тепла к земной поверхности. Похолодание привело к накоплению снега и льда, а резкое потепление вызвало стайвание и транзитный сток по основным долинам. Уже в голоцене значительная часть образований, связанных с обильным стоком, была переработана в пойму и отчасти заболочена.

Заключение

Полевые наблюдения в долине Оби, на ее широтном отрезке и вблизи Сургу́та, вместе с результатами исследований в центральной части Западной Сибири и в других регионах азиатской части страны позволяют рассматривать Сургутское Приобье как один из ключевых районов, в пределах которого можно получить надежные данные о развитии природной среды всей Северной Азии в переходное от последнего оледенения к послеледниковью (голоцену) время. Эти данные важны, т.к. отражают становление современной природы, биогеосферы.

Можно наметить следующие, последовательно сменяющие друг друга во времени природные события, нашедшие отражение в рельефе и осадках указанного района.

1. Окончательный, полный спад ледниковых вод ледниково-подпрудного озера Западной Сибири (Мансийского озерного бассейна) от максимального уровня 125–130 м.

2. Субэзральный режим в условиях холодного климата и многолетней мерзлоты (образование полигональных грунтов и системы морозобойных ледяных клиньев на дне долины Оби на абсолютных отметках 17–20 м и выше).

3. Резкое потепление и иссушение климата. Полное или почти полное прекращение стока по руслу Оби, широкое развитие эоловых процессов на дне ее долины и в Кондинской низине. Это была последняя кратковременная, но очень глубокая аридизация климата Северной Азии.

4. Резкое увеличение влажности климата, сопровождавшееся катастрофическим стоком во всех долинах водосборных бассейнов Оби, Енисея и других рек Северной Азии. Оно ознаменовалось формированием широких, почти не меандрировавших русел.

На широтном отрезке и близ Сургу́та русло Оби имело ширину 25–30 км.

5. Установление климатических условий, близких к современным. Умеренный речной сток. Частичная переработка поверхности и осадков луговой террасы в пойму современных рек. Активизация биогенных процессов, заболачивание, образование луговых почв, становление современных ландшафтов в Западной Сибири.

Важнейшей и первостепенной задачей дальнейших исследований представляется радиоуглеродное датирование содержащихся в осадках органических остатков. Оно позволит определить возраст геологических образований, обрисовать динамику климата и природы в переходное от последнего (сартанского, позднеюрмского) оледенения к голоцену время, которое отразилось на изотопных палеотемпературных кривых океанических илов как окончание терминации от второй стадии к первой.

Список литературы

- Архипов С.А., Паньчев В.А.** Террасы долины Оби // Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 42–64.
- Астахов В.А.** Позднеплейстоценовая обстановка осадконакопления в центре Западной Сибири // Плейстоцен Сибири: стратиграфия и межрегиональные корреляции. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 118–126.
- Астахов В.А.** Таежная зона Западной Сибири // История озер Севера Азии. – СПб.: Наука, 1995. – С. 40–46.
- Волков И.А.** Дистанционные методы и новейшие геологические образования центральной части Западной Сибири // Комплексные аэрокосмические исследования Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 79–86.
- Волков И.А.** Геолого-геоморфологическая основа ландшафтов центральной части Западной Сибири (на основе использования дистанционных методов исследования) // Дистанционные исследования ландшафтов. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 64–92.
- Волков И.А.** Пределы распространения сартанского ледника в Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1997. – № 6. – С. 1049–1054.
- Кривоногов С.К., Бахарева В.А., Ким Ю.М., Скабичевская Н.А.** Новые данные к стратиграфии и палеогеографии позднего плейстоцена Сургутского Приобья // Геология и геофизика. – 1993. – № 3. – С. 24–37.
- Седых В.Н., Васильев С.В.** Аэрокосмические снимки в изучении лесов поймы Оби // Дистанционные исследования ландшафтов. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 96–138.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

ДРЕВНЕЙШИЕ МИГРАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Введение

Проблема происхождения человека, как и происхождения жизни, является одной из фундаментальных в науке и в течение многих сотен лет волнует ученых. Для ее решения необходимо определить:

во-первых, критерии, на основании которых можно сделать вывод о выделении нашего прямого предка, раннего *Номо*, из животного мира и установить время этого важнейшего события;

во-вторых, центр антропогенеза и направления движения миграционных потоков древних популяций.

Процесс расселения древних людей по планете имел всемирно-историческое значение, потому что с появлением человека начался новый – антропогенный, по определению геолога А.П. Павлова, – этап в эволюции биосферы или ноосферы, по определению В.И. Вернадского и Р. Тейяр де Шардена соответственно.

В качестве центра антропогенеза назывались разные регионы, например, Юго-Восточная Азия. В 1893 г. голландский ученый Э. Дюбуа нашел на о-ве Ява останки примитивного гоминида, питекантропа, что позволило ему заявить о существовании промежуточного звена между обезьяной и человеком.

В прошлом веке в литературе длительное время дискутировалась проблема рамапитеков, дриопитеков и сивапитеков, их место в эволюции человека [Jia Lanpo, 1980; Kelly, Pilbeam, 1986; Correns, 1986]. Эти антропоиды были обнаружены в Южном Китае, Пакистане и Индии в позднемiocеновых – раннеплиоценовых отложениях. Мнения ученых об их месте и роли в филогении человека диаметрально: от признания их наиболее ранней предковой формы в эволюции человека до отнесения к одной из форм с “орангоидной”

специализацией. Один из крупнейших приматологов Д. Пилбим считал, что рамапитеки не были предковой формой в эволюции человека. Такой же позиции он придерживался в оценке мегантропа яванского, которого некоторые исследователи рассматривали как азиатского австралопитека. В дальнейшем выяснилось, что возраст литологических горизонтов, в которых найден мегантроп, не превышает 1,5 млн лет. Австралопитековые в Восточной и Юго-Восточной Азии не найдены. Возраст бесспорных стоянок человека также не превышает 1–1,5 млн лет. Таким образом, антропологические и археологические находки свидетельствуют, что Южная и Юго-Восточная Азия не были прародиной человека.

В начале XX в. широкую известность получило предположение о том, что прародина человека – Центральная Азия. Добыть доказательства была призвана отправившаяся в 20-х гг. на территорию Монголии Американская Центрально-Азиатская экспедиция под руководством Р.Ч. Эндрюса. В ходе ее было сделано много важных открытий, в частности, найдено крупное кладбище динозавров в Баиндзаке, но так и не удалось решить поставленную задачу [Andrews, Osborn, 1926].

С середины прошлого века в Монголии действует Российско-Монгольская археологическая экспедиция: с 1949 г. – под руководством А.П. Окладникова, с 1983 г. – под руководством А.П. Деревянко, с 1995 г. в ее работе принимают участие американские археологи под руководством Д. Олсена. Только с 1983 г. здесь открыто более 1 тыс. палеолитических местонахождений, в т.ч. ок. 30 раннепалеолитических. Возраст наиболее ранних из них – менее 1 млн лет. На этой территории не выявлены ранние палеоантропологические

остатки. Современный уровень знаний с полным основанием позволяет утверждать, что Центральную Азию также не следует рассматривать как прародину человека [Каменный век Монголии..., 1990].

Во второй половине XIX в. обсуждалась экзотическая гипотеза М. Вагнера – А. Катрфажа – Э. Карталяка о североазиатско-европейской прародине человека. Эту гипотезу можно было бы и не упоминать, поскольку она не имела никаких археологических и палеоантропологических подтверждений, если бы не настойчивые и непрофессиональные попытки Ю.А. Мочанова реанимировать ее положения, давно ставшие историей науки. Ю.А. Мочанов в течение многих лет вел раскопки плохо документированной и недатированной стоянки Диринг-Юрях на р. Лене. В своей книге на основании раскопок в Диринг-Юряхе он дилетантски пытается рассуждать о внетропической прародине человека [Мочанов, 1992]. Книга Ю.А. Мочанова вышла после того, как были опубликованы сотни статей, в которых обсуждалась и доказывалась гипотеза африканской прародины человека. Безудержная самореклама Ю.А. Мочанова в различных газетах и популярных изданиях в течение последних десяти лет вызывала только скептические улыбки и породила много анекдотов у российских и зарубежных специалистов. Идея о якутской прародине человека настолько нелепа и абсурдна, что она серьезно и не рассматривалась научным сообществом. Почти не обсуждалась даже важнейшая проблема, касавшаяся реальных дат артефактов из Диринг-Юряха, потому что грубая неконструктивная реакция Ю.А. Мочанова на мнения, отличные от его собственного, справедливо сформировала у специалистов понимание бессмысленности полемики. Максимальная древность культуросодержащего горизонта в Диринг-Юряхе – 250–300 тыс., минимальная – 10–20 тыс. лет [Waters, Forman, Pierson, 1999].

Эту гипотезу, учитывая ее абсурдность, можно было бы и не затрагивать, если бы не публикация в форме препринта, изданного к циркумполярному конгрессу, который состоялся в Ханты-Мансийске в 2002 г. [Мочанов, Федосеева, 2002]. В нем вновь излагается антинаучная идея не только о якутской прародине человека, но и об открытии в последние годы якутского ашеля, якутского среднего палеолита, якутского переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту. Если появление идеи о возможности антропогенеза в Якутии можно объяснить некомпетентностью авторов, то заявление об открытии якутского ашеля, якутского мустье и др. следует считать явной фальсификацией и подтасовкой реальных фактов. В науке известны фальсификации с использованием научных данных. Эта фальсификация – грубейшая и является примером полной некомпетентности ее авторов. Если бы Ю.А. Мочанов понимал предмет дискуссии,

то ему следовало бы доказывать динамику индустрии древнейшего якутского предка до человека современного типа, используя другие названия и термины, потому что развитие самого физического типа человека и его индустрии вне тропической зоны должно было идти по другим законам.

Палинологические материалы разреза в Диринг-Юряхе зафиксировали растительные ассоциации, характерные для более холодного климата, чем современный. Двум прародинам человека (Африка и Якутия), находившимся на огромном расстоянии друг от друга в разных природно-климатических условиях, должны были соответствовать две линии эволюции человека и различные наборы орудий. Древний человек 2–3 млн л.н. при температурах –40... –50 °С мог выжить, только обладая достаточно совершенным орудийным набором, соорудив жилища, используя огонь и т.д. Все, что написано в статье якутских фальсификаторов, не имеет прямого отношения к теме моей статьи, но в декабре 2003 г. мне пришлось посетить недавно созданный музей при Институте гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), концепция экспозиции которого основана на идеях Ю.А. Мочанова. Этот музей посещают школьники, студенты и все, кто интересуется древнейшим прошлым.

Пропаганда антинаучных идей Ю.А. Мочанова продолжается более 20 лет. Любые попытки объяснить Ю.А. Мочанову абсурдность его непрофессиональных рассуждений, а сейчас и очевидных для всех фальсификаций не дают положительных результатов. Не имея никаких бесспорных аргументов для обоснования гипотезы внетропической прародины человека, Ю.А. Мочанов настойчиво стремится навязать свою точку зрения [Ранов, 2005].

С 20-х гг. прошлого века после публикации Р. Дартом информации о первой находке в восточной части пустыни Калахари гоминида, названного австралопитеком [Dart, 1925], на первое место среди географических районов, претендующих называться прародиной человека, выдвигается Африка. За 80 лет в Южной и Восточной Африке были найдены сотни костных останков австралопитековых различной степени сохранности. Систематика австралопитековых рассматривалась во многих сотнях публикаций, были выделены различные роды и виды, прослежены их филогенетические взаимоотношения [Strait, Grine, Moniz, 1997; Tobias, 2003]. Период существования австралопитековых 7 (6) – 1,5 (1,0) млн лет. Они подразделяются на три основные группы: ранние, грацильные и массивные. Для всех австралопитековых характерны прямохождение и малые размеры клыков, в основном этим они отличаются от человекообразных обезьян.

Во второй половине XX в. в Южной и Восточной Африке были открыты ранние *Homo*, обитавшие

2–1,8 млн л.н. и изготавливавшие простейшие каменные орудия. К 80-м гг. прошлого века у большинства ученых не вызывало сомнения, что центром антропогенеза была Африка. Окончательный ответ на вопрос о прародине человека был получен благодаря молекулярной биологии. В 1987 г. в свет вышла работа, в которой были проанализированы различия в последовательностях мтДНК людей, разных по географической и расовой принадлежности, и на основе этого построено филогенетическое дерево, корни которого находились в Африке [Cann, Stoneking, Wilson, 1987]. Эта статья сыграла роль катализатора. В то время многих генетиков привлекала проблема происхождения человека, и выход первой работы, в которой дан анализ мтДНК, вызвал лавинообразное увеличение количества работ – к началу XXI в. их насчитывалось уже около тысячи. В настоящее время антропологи, археологи, генетики и представители других наук, занимающиеся проблемой эволюции человека, придерживаются мнения, что человечество едино и имеет одни корни.

За последние 10–15 лет археологами, антропологами, палеогенетиками и другими специалистами доказано, что родиной человека является Африка. Наиболее древние стоянки человека с каменными орудиями, чопперами, чоппингами, сфероидными, полиэдрами, грубо ретушированными отщепами, дислоцируются в основном в Восточной Африке в районе Восточно-Африканского рифта, тянущегося в меридиальном направлении от впадины Мертвого моря через Красное море и далее по территории Эфиопии, Кении, Танзании. В бассейне р. Када Гона на 15 местонахождениях на поверхности и в слое обнаружено более 3 тыс. артефактов. Каменные орудия извлечены из слоя ниже уровня туфа, возраст которого составляет 2,6 млн лет. Очень важно, что эти находки позволили впервые установить их синхронность древним гоминидам [Semaw et al., 1997; Semaw, 2000]. Ископаемые остатки раннего *Homo*, обнаруженные в долине р. Омо (2,4–2,0 млн лет), в Хадаре (2,4–2,3 млн лет), также одновременны и достаточно надежно связаны с каменными орудиями. Индустрию с начала появления первых каменных орудий до раннего ашеля принято называть олдувайской. Для нее характерны галечные и дисковидные нуклеусы, различного типа чопперы, чоппинги, полиэдры, грубо ретушированные отщепы.

Первая миграционная волна древних популяций человека из Африки в Евразию

Около 2–1,8 млн л.н. *Homo ergaster-erectus* покинул свою “колыбель” и двинулся за пределы Африки, что

положило начало первому Великому переселению, ознаменовавшему событие величайшей важности – заселение человеком планеты (рис. 1). Процесс заселения Евразии древнейшими популяциями человека проходил медленно и мучительно. Он отмечен и успехами в освоении новых территорий, и драматическими событиями, когда под воздействием природных условий эйкумена существенно сокращалась. Двигаясь на восток, древние популяции не смогли преодолеть такие географические системы, как Тибет и Гималаи, и обошли их с севера и юга. С южной волной миграции связано заселение Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии. Стоянки Убейдия и Гешер-Бенот-Яааков в Израиле датируются временем 1,4–0,9 млн л.н. [Tchernov, 1992; Бар-Йозеф, 1997]. Одними из крупнейших местонахождений доашельской эпохи являются стоянки пещерного типа, открытые в 1983–1988 гг. на юге Аравийского полуострова участниками Советско-Йеменской экспедиции [Амирханов, 1991]. Они сосредоточены в ущелье Аль-Гуза на небольшом расстоянии друг от друга. В пещере Аль-Гуза были исследованы рыхлые отложения мощностью ок. 15 м; в пещере Шархобаль и полости под карстовым навесом Аль-Амира – немногим более 3 м. В нижней части рыхлых отложений обнаружены каменные орудия олдувайского типа – двугранники, скребла, клювовидные орудия и т.д., датируемые 1,65–1,35 млн л.н.

Движение представителей южной миграционной волны на восток нашло отражение в древнейших памятниках на территории Пакистана, Индии, Китая, Юго-Восточной Азии. В Пакистане найдены кварцитовые артефакты возрастом ок. 2 млн лет [Dennel, Rendell, Nailwood, 1988]. Галечные орудия соанского типа, обнаруженные в Индии, также, видимо, можно связывать с первой волной древнейших популяций.

В Китае выявлены сотни палеолитических местонахождений, их материалы тщательно изучаются, однако многие фундаментальные проблемы истории заселения данной территории продолжают оставаться дискуссионными. Это можно объяснить несколькими причинами, но главными являются, пожалуй, две. Большинство палеолитических местонахождений не имеет достаточно полных геологического, топографического, стратиграфического, планиграфического описаний, что затрудняет их интерпретацию и ставит под сомнение некоторые выводы. До настоящего времени не выработаны единый подход и единая терминология описания каменного инвентаря, что также порой затрудняет понимание изучаемых местонахождений, хотя в целом уровень китайского палеолитоведения очень высок, и китайские ученые добились больших успехов в изучении древнейшего прошлого.

Среди исследователей есть сторонники мнения о древности китайского палеолита, однако опубликован-

Рис. 1. Направления движения первой миграционной волны человека из Африки в Евразию.

ные материалы стоянок Лунгупо в Нихэваньской котловине, Сихоуду, Юаньмоу не могут убедить многих специалистов в том, что находки из этих памятников — результат деятельности человека. Палеоантропологические останки *Homo erectus*, выявленные в Юаньмоу, очень важные, но определение их возраста (1,5 млн лет) представляется более чем сомнительным [Ранов, 1999; Keats, 1994; Вэй Ци, 1989; Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцюань, 1983; Ю Юйчжу, 1989]. С моей точки зрения, к совершенно бесспорным следует отнести местонахождения Дунгута и Сяочанлянь, но возраст их, видимо, не превышает 1 млн лет. Неоднозначно оценивается специалистами возраст останков *Homo erectus*, найденных в Индонезии. Верхний возрастной предел самых ранних костных остатков сангиранских гоминидов, обнаруженных в пуканган-

ских горизонтах, ограничен хронологией лахара и не может быть более 1,7 млн лет [Semah, Saleki, Falgueres, 2000]. По мнению многих исследователей, возраст отложений с останками гоминидов на о-ве Ява около или немногим более 1 млн лет [Sartono, 1982; Swisher et al., 1999; Jacob, Curtis, 1971]. Все это свидетельствует о том, что *Homo erectus*, двигаясь из Африки, достаточно быстро преодолел огромные пространства и, видимо, не позднее 1 млн л.н. заселил Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию.

Северная миграционная волна древних популяций человека через Ближний Восток проникла на территорию Ирана и далее на Кавказ и, возможно, в Малую Азию. Убедительным свидетельством этого расселения является местонахождение Дманиси (Восточная Грузия) — одно из выдающихся в Евразии

[Dzaparidze et al., 1991; Габуня, Векуа, Лордкипанидзе, 2001]. Это местонахождение уникально тем, что в нем в четких стратиграфических условиях в сопровождении фауны вместе с остатками гоминид в литологическом горизонте, залегающем на базальтовой лаве, отнесенной к эпизоду Олдувай – от 1,87 до 1,67 млн лет, зафиксированы древнейшие галечные орудия. Выше лавы находятся пять раннеплейстоценовых литологических горизонтов, образующих пачку мощностью ок. 4 м. Остатки гоминид (челюсти, почти полностью сохранившиеся черепа, фрагменты черепов и др. уникальные палеоантропологические находки) были выявлены в основном в горизонте V. Археологические и фаунистические находки концентрировались в горизонтах II и V. Первичное расщепление характеризуется очень аморфными формами. Г. Бозинский выделяет орудия полиэдрические со следами бессистемного снятия, производившегося в нескольких направлениях, и конические с площадками, оформленными одним или несколькими снятиями [Liubin, Bosinski, 1995]. Очень трудно провести грань между одно- и двусторонними галечными орудиями и нуклеусами. Среди находок наибольшую долю составляют отщепы, некоторые со следами грубой ретуши. Орудийный набор крайне беден. Но сам факт залегания в культуросодержащем слое каменных орудий возрастом ок. 1,5 млн лет, костей диких животных и уникального антропологического материала позволяет считать открытие местонахождения Дманиси одним из важнейших событий в истории археологии конца XX – начала XXI в.

Дискуссионной остается проблема начальных этапов культуры курачай, выделенной М.М. Гусейновым на материалах раскопок в пещере Азых, расположенной на границе предгорной и горной зон юго-восточного склона Малого Кавказа, на левом берегу р. Курачай на высоте ок. 900 м над ур.м. [Гусейнов, 1981, 1985]. Пещера Азых имеет уникальную стратиграфию (толща рыхлых отложений более 14 м). Ниже шестого литологического горизонта, содержащего ашельскую индустрию, залегает пачка мощностью 4,5 м, литологически хорошо отличающаяся от вышележащих отложений. В этой пачке (слои VII–X), с точки зрения М.М. Гусейнова, представлена древняя курачайская культура, характеризующаяся галечными орудиями. В слое IX выявлена граница палеомагнитных зон нормальной и обратной намагниченности Брюнес-Матуйама, соответствующая 0,73 млн лет. Не все специалисты оценивают находки из литологических горизонтов VII–X как артефакты. Участники первых советско-французских исследований согласились с выводом о наличии в нижних литологических горизонтах каменных орудий [Герасимов, Величко, Любин, Праслов, 1981]. В.А. Ранов выразил мнение, что “представленные в нижних слоях Азыха предметы –

не случайные эолиты. Их стратиграфическое залегание, положение в слое, фасетки скалывания на поверхности некоторых галек говорят скорее в пользу заключения М. Гусейнова, чем против” [1985, с. 4–5]. В.П. Любин в ряде своих работ утверждает, что каменная индустрия в пещере Азых присутствует только в слое VI, относящемся к ашелю [1998; Любин, Беляева, 2004]. Палеомагнитная дата “не может рассматриваться как время первичного заселения пещеры человеком, так как каменные предметы, встреченные в слоях X–VII, не носят признаков искусственной обработки, а мизерные фаунистические остатки едва ли следует оценивать как результат охотничьей деятельности древнего человека” [Любин, Беляева, 2004, с. 250]. В.П. Любин основывается на собственных наблюдениях, и к его мнению следует отнестись внимательно.

Мне также довелось работать с чертежами, планами раскопок в пещере Азых и познакомиться с коллекциями из всех культуросодержащих горизонтов. Материалы литологических горизонтов X–VII не убедили меня в том, что зафиксированные находки являются бесспорно артефактами. Большинство галек не имеет признаков искусственной обработки, а т.н. отщепы – результат естественного расщепления и (или) десквамации галек. Пещеру Азых, несмотря на спорный характер находок из нижних горизонтов, следует отнести к важнейшим палеолитическим местонахождениям на Кавказе; здесь, безусловно, должны быть продолжены исследования, тем более что экспедицией М.М. Гусейнова вскрыты только узкая южная галерея и небольшая часть примыкающего к ней Круглого зала.

С 2003 г. на территории Дагестана работает археологическая экспедиция, в которой принимают участие ученые Института археологии и этнографии СО РАН и Института археологии РАН [Деревянко, Амириханов, Зенин и др., 2004]. Во время разведочных работ ею было открыто четыре местонахождения у с. Чулат в среднем течении р. Рубас. Обнаруженные здесь артефакты связаны с галечной толщей и характеризуются средней, реже слабой степенью дефляции. Датировать эти памятники сложно. Если галечники связаны с морской трансгрессией Каспия, то они, учитывая их гипсометрическое положение – от 227 до 287 м над ур.м., могут относиться к среднему плейстоцену.

Наиболее ранние местонахождения в Дагестане обнаружены на северном склоне Геджухского водохранилища у левого берега р. Дарвагчай. Артефакты дислоцировались в толще галечных конгломератов с большим включением раковин. На Дарвагчае зафиксировано пять пунктов. На каждом из них из конгломератов извлечено по несколько артефактов: нуклевидные обломки, скребла, орудия с носиком, отщепы. Галечные конгломераты залегают на высоте

от 125 до 140 м над ур.м. Образование конгломератов связано с трансгрессией Каспия. Предположительный возраст артефактов – финал раннего – начало среднего плейстоцена. Лабораторные исследования позволят более точно ответить на вопрос о древности вновь открытых местонахождений. Важно отметить, что древние мигранты первой волны могли не только оставить свои стоянки на юге Каспия (Дманиси и Азых), но и продвинуться далеко на север в районы Северного Кавказа.

Наиболее ранние стратифицированные местонахождения в Центральной Азии открыты в Таджикистане: стоянки Кульдара (11-я и 12-я палеопочвы), Хонако II (8-я палеопочва) и Лахути (5-я палеопочва), возраст которых от 800 до 500 тыс. лет [Ranov, 1993; Ranov, Schäfer, 2000]. Ко времени, соответствующему этому возрасту, относятся древние галечные комплексы, зафиксированные в Казахстане на п-ове Мангышлак и в Каратау [Алпысбаев, 1979]. За последние годы в Южном Казахстане на северо-восточном склоне хребта Каратау, получившем название Кызылтау, открыты десятки местонахождений с поверхностным залеганием артефактов в виде сплошного покрова на очень древних поверхностях и на больших площадях [Деревянко, Таймагамбетов, Бексеитов и др., 1996; Каменный век Казахстана..., 2003]. На некоторых стоянках на площади в несколько квадратных километров обнаружены десятки тысяч галечных орудий. В результате полевых работ собрано колоссальное количество изделий, которые находятся в стадии изучения, но уже сейчас можно сделать вывод о глубокой древности отдельных местонахождений.

В Монгольском и Гобийском Алтае зафиксировано более 30 раннепалеолитических местонахождений открытого типа, которые по геоморфологической ситуации, технико-типологическим показателям, коррелированности галечных орудий можно отнести к древнейшим. Для наиболее ранних из них (Нарийн-Гол-17 и др.) характерны сильно коррелированные галечные орудия типа чопперов и чоппингов, орудия с носиком, галечные нуклеусы, массивные скребла, залегающие на поверхности позднелиоценовых террас [Каменный век Монголии..., 1990, 2000; Derev'anko, 1990; Derevianko, Deviatkin, Petrin et al., 1991].

К индустриям галечного типа относится стоянка Улапинка на территории Горного Алтая [Окладников, 1971; Derev'anko, 1990; The Paleolithic of Siberia..., 1998]. Индустрия и даты культуросодержащих горизонтов этой стоянки вызывали дискуссии. В 2001 г. в 14 км от Денисовой пещеры, вниз по течению р. Ануй, открыта раннепалеолитическая стоянка Караме, несколько пунктов которой дислоцировались на разных высотах. В 2001–2003 гг. на них проводились стацио-

нарные исследования, в ходе которых были выявлены культуросодержащие горизонты, материалы которых более раннего возраста, чем находки из всех известных местонахождений в Северной Азии [Деревянко, Шуньков, 2003; Деревянко, Шуньков, Зыкин и др., 2002]. В раскопе 2 на Караме, расположенном на высоте 51 м над современным уровнем р. Ануй, вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 8 м. Артефакты зафиксированы в четырех культуросодержащих горизонтах. Два горизонта залегают в средней и нижней частях мощной пачки красноцветных отложений, еще два – в пойменной фации аллювия древнего водотока. Процесс первичного расщепления представлен галечными ядрищами, ударная площадка которых сохраняет галечную корку. Продукты снятия представлены укороченными нефасетированными сколами различных размеров. Среди орудийного набора преобладают поперечные и продольные скребла, орудия с носиком, чопперы, чоппинги, зубчатые и выемчатые орудия.

Красноцветные осадки, в которых залегают артефакты на Караме, аналогичны красноцветам разреза Черный Ануй, расположенного в 20 км от стоянки выше по течению реки. Возраст этих отложений, определенный на основании РТЛ-дат (542 тыс. лет) и палеонтологических характеристик, соответствует верхнему рубежу нижнего плейстоцена [Деревянко, Попова, Малаева и др., 1992; Деревянко, Лаухин, Малаева и др., 1992]. Пойменные отложения древнего водотока, в которых также зафиксированы культуросодержащие горизонты, принадлежат более раннему периоду – среднему этапу нижнего плейстоцена.

На всех стоянках Азиатского континента, представляющих первую миграционную волну, расщепление характеризуют нуклеусы с признаками минимальной подправки или с галечной поверхностью ударной площадки. Орудийный набор включает микро- и макро-чопперы, чоппинги, орудия с носиком, галечные скребла, обушковые ножи и т.д. Эта галечная индустрия в своей основе относится к олдувайскому типу. Индустриальные комплексы, выявленные в Юго-Западной, Южной, Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии, в значительной степени отличаются друг от друга, что объясняется длительностью развития (ок. 1 млн лет), изолированностью многих популяций (на этих территориях не было сплошного заселения), а также различиями в природно-климатических условиях.

Первая миграция человека, т.е. процесс расселения из центра антропогенеза Африки на сопредельные территории, детерминировалась прежде всего ростом численности популяции и экологическими условиями. Пожалуй, экологические условия играли первостепенную роль, потому что на начальном этапе древние миграции, будучи хаотичными, напоминали броунов-

ское движение. Человек заселял определенную экологическую нишу, в течение длительного времени адаптировался в ней. Необходимость приспособляться к новым источникам сырья, окружающей фауне, растительным ресурсам, климату обусловила появление новых стратегий и определенных корректив образа жизни, приемов первичного расщепления и вторичной обработки каменных орудий. Дальнейший рост населения, изменение условий обитания заставляли часть популяции постепенно перемещаться на сопредельные территории. Эйкумена человека то расширялась, то сокращалась, и наши далекие предки спустя какое-то время могли возвращаться на прежние места обитания, считая их новой экологической нишей. Несомненно одно: человеку потребовалось около миллиона лет, чтобы постепенно заселить огромные пространства от Африки до Тихого и Индийского океанов. Но вся история и развитие культуры человека происходили в одной видовой среде *Homo erectus*.

Вторая миграционная волна древнего человека в Евразию

Около 450–350 тыс. л.н. с Ближнего Востока в Евразию начал двигаться второй миграционный поток, с которым связано распространение позднеашельской индустрии со следами леваллуазской системы первичного расщепления и бифасами (рис. 2). На многих территориях новая популяция человека встречала представителей первой миграционной волны, и поэтому там происходило смешение двух индустрий – галечной и позднеашельской. Смешение двух различных индустриальных основ на территориях Центральной Азии и Индии проявляется в разной степени: на одних больше прослеживаются ашельских элементов (в признаках первичной и вторичной обработки), на других – галечных. В Центрально-Азиатском регионе в индустриях позднего этапа раннего палеолита и среднем палеолите ашельские элементы наиболее ярко прослеживаются на территориях Туркмении и Казахстана. На территории Казахстана открыто более десяти местонахождений с бифасами и следами леваллуазского расщепления. Местонахождения с бифасами известны в западной, южной, центральной и северо-восточной частях Казахстана [Медоев, 1964, 1970; Волошин, 1987, 1988, 1990]. Новые ашельские местонахождения открыты на территории Казахстана в районе Мугоджарских гор в бассейне р. Эмбы в 1999–2000 гг. [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 1999; Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001а,б]. Для них характерны бифасы, скребла различных модификаций, зубчато-

выемчатые орудия, леваллуазские и дисковидные ядрища. Как показало изучение ранних ашельских местонахождений, возраст которых ок. 350–300 тыс. лет, орудийный набор отражает не конвергенцию отдельных ашельских элементов и признаков первичной обработки, а переселение на территорию Казахстана с запада популяций человека с индустрией ашельского типа.

На территории Туркмении наиболее древние каменные артефакты обнаружены в Янгаджа-Каратенгирском комплексе местонахождений с бифасами [Любин, 1984; Любин, Вишняцкий, 1990; Вишняцкий, 1996]. С моей точки зрения, самые ранние из них относятся к позднему ашелю, типологически у них немало сходства с индустриальными комплексами Мугоджар.

На территории Таджикистана в индустриях местонахождений, относящихся к позднему этапу раннего и среднему палеолиту, проявляются преимущественно галечные элементы. Подобное характерно и для синхронных памятников на территориях Кыргызстана и Узбекистана.

В Монголии, где за последние 20 лет открыто более 1 тыс. стоянок каменного века, также хорошо фиксируется новый этап, связанный с появлением приемов леваллуазского расщепления и многих других элементов позднеашельской индустрии [Каменный век Монголии..., 1990, 2000; Археологические исследования..., 2000]. Одним из таких местонахождений является многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй, отложения которой накапливались 700 тыс. лет [Деревянко, Петрин, 1995; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996]. В нижних культуросодержащих горизонтах (12, 13) Большого грота пещеры представлены нуклеусы ортогонального принципа расщепления. Орудийный набор включает бифасиальные и комбинированные орудия, отщепы и ретушированные обломки. Двенадцатый слой датирован 520 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ-805). Леваллуазские ядрища регистрируются начиная с 10-го культуросодержащего горизонта пещеры. Леваллуазское расщепление на территории Монголии стало доминирующей техникой с позднего этапа раннего палеолита. Бифасиальная техника на палеолитических местонахождениях не проявилась в столь яркой и выразительной форме. В Монголии имеется несколько местонахождений с бифасами и признаками леваллуазского расщепления: Ярх, Дно Гоби, Нарийн-Гол-176, Хатан-Хайрхан-Уул-14 и др. Одним из самых ярких местонахождений с ашельской индустрией является Кремневая Долина на юго-востоке хребта Арц-Богдо, открытая в 1995 г. [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 2002]. Древние поверхности здесь перекрыты плиоценовыми кремневыми брекчиями, которые в раннем и среднем палеолите постоянно ис-

Рис. 2. Направления движения второй миграционной волны в Евразии. Темным цветом отмечены территории, на которых не представлена позднеашельская культура.

пользовались как сырьевая база. На отдельных участках на 1 м² приходится до 400 артефактов, а площадь, занятая мастерскими, составляет ок. 20 км². Это уникальный в мире природно-антропогенный комплекс, в котором находятся миллионы артефактов, а эволюция индустрии представлена от позднего ашеля до позднего палеолита. На памятнике Кремневая Долина выделены комплексы с бифасами, поверхность которых сильно-, средне- и слабокоррадирована. Материалы этих и других местонахождений свидетельствуют о том, что бифасиальная техника наряду с леваллуазским расщеплением бесспорно использовалась на финальном этапе раннего палеолита и в среднем палеолите, но в Монголии бифасы сравнительно немногочисленны.

Ярким подтверждением связи второго миграционного потока популяций человека с финальноашельской – раннепалеолитической индустрией являются местонахождения Горного Алтая на юге Сибири. Под влиянием, видимо, природных факторов, похолодания климата древний человек с галечной индустрией был вынужден покинуть территорию Горного Алтая: в ее заселении был какой-то хронологический перерыв. В местонахождениях позднего ашеля – раннего этапа среднего палеолита на Горном Алтае не наблюдается “наложения” позднеашельской индустрии на галечную. В них фиксируются комплексы, которые по признакам первичной и вторичной обработки и основным технико-типологическим характеристикам близки к мугаранской традиции и ябрудену Ближнего Востока [Деревянко, 2001].

На стратифицированных многослойных пещерных (Денисова, Каминная, Окладникова, Малояломанская, Бийке и др.) и открытых (Усть-Каракол-1, 2, Ануй-1–3, Кара-Бом, Тюмечин-1–4 и др.) стоянках прослеживается последовательность культуросодержащих горизонтов, которая убедительно свидетельствует о гомогенности индустрии и непрерывности ее развития на протяжении 300 тыс. лет [Derev'anko, 1990; Деревянко, Маркин, 1992, 1998, 2000; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Археология и палеоэкология..., 1990; Археология, геология..., 1998; Деревянко, Зенин, 1990; Derevianko, Shunkov, 1992; Деревянко, Шуньков, Ульянов, 2000; Деревянко, Шуньков, 2003; Природная среда..., 2003].

Наиболее хорошо исследованной на территории Горного Алтая является Денисова пещера, где полевые работы непрерывно ведутся уже 20 лет. Пещера представляет собой один из уникальных природно-антропогенных комплексов в Евразии. В ней зафиксированы 14 палеолитических культуросодержащих и более 14 голоценовых горизонтов. Археологический материал из нижней части слоя 22 характеризуется ортогональными, леваллуазскими и дисковидными нуклеусами. В коллекции орудий 41,6 % – изделия, выполненные на отщепках, 20,8 – на леваллуазских пластинах, 37,6 % – на леваллуазских сколах. В орудийном наборе есть леваллуазские остроконечники, скребла, клювовидные острия, ножи, выемчатые и зубчатые орудия. Для нижней части горизонта 22 получена дата 282 ± 56 тыс. л.н. (РТЛ-548). По материалам всех остальных вышележащих культуросодержащих горизонтов пещеры четко прослеживается эволюция индустрии от раннего этапа среднего до начального этапа верхнего палеолита. Очень важно отметить, что индустрия культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры, несмотря на некоторую вариабельность, составляет единое целое как в технологическом, так и в типологическом плане.

Стоянка открытого типа Усть-Каракол-1 расположена в 3 км от Денисовой пещеры. Толща рыхлых отложений мощностью до 6,5 м вмещает в себя 20 основных литологических слоев и 20 уровней обитания палеолитического человека. Наиболее древний уровень палеолитических находок связан с культуросодержащим горизонтом 19. Артефакты залегали в пойменной фации аллювия и перекрывали русловой галечник, для которого получено две даты – 210 ± 42 тыс. л.н. (РТЛ-640) и 207 ± 41 тыс. л.н. (РТЛ-662). Литологический слой 19 датирован 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661). Для всех 20 культуросодержащих горизонтов стоянки Усть-Каракол-1, как и для Денисовой пещеры, характерны леваллуазские и параллельного принципа расщепления ядрища, острия, пластины и отщепы леваллуа, а также

леваллуазские сколы, модифицированные ретушью и анкошем. Типичны также скребла различных модификаций, боковые скребки, ножи с обушком, угловые, боковые резцы, проколки, шило- и клювовидные орудия, зубчато-выемчатые и комбинированные формы, уни- и бифасиальные изделия, тронкированные сколы, пластины и отщепы со следами ретуши. Очень важно отметить, что в нижних горизонтах Усть-Каракола-1 и Ануй-3 (их возраст 100–90 тыс. лет) представлены хорошо оформленные бифасы.

Для верхних культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры (слой 11) и Усть-Каракола (слой 11–9), возраст которых 45–35 тыс. лет, характерна верхнепалеолитическая индустрия: продукты параллельного расщепления, направленного на получение удлиненных заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, в т.ч. призматических и клиновидных, скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, и выразительная серия микропластин. Среди орудий преобладают продольные разновидности скребел, концевые скребки, ножи различных модификаций, угловые резцы, проколки, изделия из кости, в т.ч. иглы с ушками, различного рода украшения. Таким образом, культуросодержащие горизонты многослойных, хорошо стратифицированных стоянок в Денисовой пещере и Усть-Караколе-1 четко отражают эволюцию среднепалеолитической индустрии ашело-мустьерского типа и ее переход в верхнепалеолитическую. Начало перехода относится к 60–50 тыс. л.н., финал – к 45–40 тыс. л.н., а может быть, и к более раннему периоду [Деревянко, 2001].

Одна линия развития индустрии от среднего к верхнему палеолиту – усть-каракольская – ярко прослеживается по материалам верхних культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры и Усть-Каракола [Деревянко, Шуньков, 2004]. Другая – хорошо документируется культуросодержащими горизонтами стоянки Кара-Бом. Два финальных среднепалеолитических горизонта этой стоянки демонстрируют приемы первичной и вторичной обработки камня с многочисленными элементами верхнепалеолитической техники и типы орудий. Нижние горизонты обитания (5 и 6), относящиеся уже к верхнему палеолиту, датируются соответственно $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (GX-17596) и $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597). Эти горизонты характеризуют, с одной стороны, культурная преемственность с нижележащими среднепалеолитическими слоями, с другой – появление многих качественно важных элементов, в т.ч. предметов искусства и символической деятельности человека верхнего палеолита или современного физического типа на территории Горного Алтая [Деревянко, Рыбин, 2003].

Проблема формирования культуры верхнего палеолита в Центральной и Восточной Азии

С открытиями, сделанными в последние 20 лет сибирскими археологами, связаны и новые подходы к решению проблемы происхождения человека современного физического типа *Homo sapiens sapiens*. Ранее существовало много гипотез о происхождении современного человека. После подключения к исследованиям популяционной генетики обсуждаются в основном две гипотезы. Одна из них – африканская теория, или “Ноев ковчег”. Суть ее состоит в том, что первоначальное расселение древнейших популяций человека привело к образованию трех родов: европейского, представленного неандертальцами (*Homo neanderthalensis*), восточного и юго-восточного, включавших питекантропов и синантропов (*Homo erectus*), и африканского, на основе которого 200–150 тыс. л.н. формировался древний человек (*Homo sapiens*), а в дальнейшем и человек современного физического типа (*Homo sapiens sapiens*). Согласно этой гипотезе, ок. 100 тыс. л.н. человек современного физического типа, двигаясь из Африки, начал заселять остальную часть эйкумены, замещая древнее население. Примерно 40–20 тыс. л.н. современный человек, которого характеризует культура верхнего палеолита, расселился по всей территории Земного шара.

Основные положения гипотезы мультирегиональной эволюции сводятся к тому, что *Homo erectus*, расселившись на значительной части Евразии, стал основой для формирования здесь человека современного типа и его культуры. Мультирегиональная эволюция подразумевает генетическую непрерывность между несовременным (древним) и современным населением в каждом регионе. Этим объясняется и то, что культуры раннего этапа верхнего палеолита (культура *Homo sapiens sapiens*) на обширной территории Африки, Евразии и Австралии существенно отличаются друг от друга. Если бы древнее население везде замещалось человеком современного физического типа, то культура верхнего палеолита на территории Земного шара была бы однородной.

Исследования на территории Горного Алтая свидетельствуют в пользу гипотезы мультирегиональной эволюции: материалы многих палеолитических местонахождений, возраст которых не менее 300 тыс. лет, отразили непрерывность эволюции и последовательность в динамике каменных орудий. Появление каменных орудий новых типов, например бифасов [Деревянко, Шуньков, 2002], или изменение в культуросохраняющих горизонтах процентного соотношения отдельных категорий орудий следует считать не результатом прихода на эту территорию нового населения,

а следствием адаптации местного населения к меняющимся экологическим условиям, сутью поиска новых моделей и стратегий обитания. Решающим аргументом в пользу гипотезы мультирегиональной эволюции являются данные о том, что на территории Горного Алтая на основе финальных среднепалеолитических индустрий формировалась индустрия верхнего палеолита (усть-каракольская и кара-бумовская), характеризующая человека современного физического типа [Деревянко, Шуньков, 2004]. Эти выводы позволяют утверждать, что на территории Южной Сибири получила развитие среднепалеолитическая индустрия, которая последовательно перешла в верхнепалеолитическую, а также, возможно, была генетическая непрерывность в эволюции самого человека [Шпакова, Деревянко, 2000; Шпакова, 2000].

Заселение Горного Алтая и других районов Южной Сибири и Центральной Азии представителями второго миграционного потока, который начал двигаться 450–350 тыс. л.н. с Ближнего Востока, обусловило формирование на этих территориях современного человека. Очень важно отметить, что последние исследования позволили значительно расширить хронологические рамки мугаранской традиции Леванта: для слоев Ed–Ea пещеры Табун получена дата 350–270 тыс. л.н. [Jelinek, 1992; Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1988]. На Ближнем Востоке развитие индустрий в среднем палеолите происходило под влиянием многих условий адаптационного и поведенческого характера, а также культурных диффузий и прямых инфильтраций популяции человека с сопредельных территорий. Несмотря на то, что Горный Алтай и Ближний Восток разделяют значительные пространства, переход от среднего к верхнему палеолиту на этих территориях произошел в одном и том же хронологическом диапазоне – 50–40 тыс. л.н., и, что очень важно, в процессе этого перехода нашли проявление некоторые общие тенденции в развитии приемов первичной и вторичной обработки камня, а также типологии каменных орудий. Этот феномен можно объяснить, видимо, существованием единой, более древней индустриальной основы для верхнего палеолита Леванта и Горного Алтая.

На территориях Ирана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Монголии, через которые с Ближнего Востока двигался второй миграционный поток, также открыты многочисленные местонахождения, демонстрирующие леваллуазскую технологию первичного расщепления. Здесь, в отличие от Горного Алтая, сохранилось население, представлявшее первую волну мигрантов, и дальнейшее развитие палеолитических индустрий происходило путем наложения друг на друга более древней галечной и позднеашельской индустрий. В результате на одних территориях длительное время существовали галечные традиции

с элементами позднеашельских технологий, а на других – преобладали новые технические традиции.

Одним из выдающихся местонахождений на транзитной территории является грот Оби-Рахмат в Узбекистане. В течение шести лет он исследуется совместной Российско-Узбекской экспедицией. Как установлено в ходе раскопок, заселение грота человеком произошло на финальном этапе R-W.Arteфакты, выявленные в верхней части культуросодержащего горизонта 21, приуроченного к пойменной фации разреза, могут быть отнесены к заключительному этапу 5-й кислородной стадии, их возраст составляет ок. 90 тыс. лет [Деревянко, Кривошапкин, Анойкин и др., 2001]. В литологических горизонтах 21–15 выявлено 17 горизонтов обитания древнего человека, по материалам которых прослеживается динамика индустрии на протяжении 50 тыс. лет. В Оби-Рахмате в четкой стратиграфической последовательности хорошо, как нигде в мире, зафиксировался переход от финального этапа среднего палеолита к верхнему. Он отмечен не только постепенным замещением леваллуазского первичного расщепления приемами параллельного скалывания, но и увеличением количества орудий, изготовленных на длинных ножевидных пластинах. Литологический горизонт 14, датируемый $48\,800 \pm 2\,400$ л.н. (AA-36746), представляет уже верхнепалеолитическую индустрию. Оби-Рахмат – наиболее изученное сегодня местонахождение в Евразии, на примере которого можно проследить в полном объеме весь процесс формирования верхнепалеолитической культуры в столь раннее время. Наиболее ранние даты (от $44\,430 \pm 2\,420$ л.н. (SMV-259) до $47\,280 \pm 9\,050$ л.н. (SMV-580)) для местонахождения Бокер-Тактит в Израиле, относящегося к самому раннему этапу верхнего палеолита, определены по образцам, залегающим не в столь безупречных стратиграфических условиях.

Чрезвычайно важные открытия были сделаны в Оби-Рахмате в 2003 г. в литологическом горизонте 16, возраст которого, по моему мнению, от 54 до 56 тыс. лет. Каменную индустрию из этого горизонта можно с полным основанием отнести к переходной от среднего к позднему палеолиту. Особое значение имеет палеоантропологический материал из этого культуросодержащего горизонта – шесть зубов хорошей сохранности и мелкие фрагменты черепных костей [Деревянко, Кривошапкин, Славинский и др., 2003]. По предварительному определению антропологов, эти одонтологические находки более близки к зубам современных людей, чем к зубам неандертальцев. Материалы, направленные на анализ мтДНК в Институт популяционной генетики человека им. М. Планка в Лейпциге, после проведения лабораторных исследований позволяют более определенно ответить на этот вопрос.

На основании новых материалов с Горного Алтая и сопредельных территорий можно с полным основанием утверждать, что древние представители второй миграционной волны оставили после себя среднепалеолитическую индустрию, на базе которой формировалась верхнепалеолитическая культура, а также человек современного физического типа. Исследования в Южной Сибири, Монголии, Казахстане, Узбекистане позволили проследить эволюцию среднепалеолитической культуры в верхнепалеолитическую, которую следует считать неоспоримым доказательством мультирегиональной эволюции человека. Совершенно нет никаких аргументов в пользу гипотезы о замещении на этой территории автохтонного населения современными людьми, которые должны были принести и новую верхнепалеолитическую культуру.

Вторая миграционная волна распространилась на восток не далее Монголии и Индии. Со времени первоначального заселения человеком территории Китая и остальной части Восточной и Юго-Восточной Азии (ок. 1 млн л.н.) каменная индустрия в раннем, среднем и на начальном этапе верхнего палеолита на этом пространстве развивалась на основе региональной технологии, принципиально отличавшейся от традиции, преобладавшей в других частях Евразии. В Восточной и Юго-Восточной Азии не представлены леваллуазские приемы расщепления горных пород. В Чжоукоудяне-15, как показали последние исследования [Син Гао, 2000], сколы леваллуазского типа получены посредством других технологий. На палеолитических местонахождениях в Восточной и Юго-Восточной Азии встречаются бифасиально обработанные орудия, но их появление – результат конвергенции. Бифасы на этих территориях представляют не ашельскую традицию и не могут считаться диагностирующими элементами. Их распространение на территории Китая – результат, видимо, адаптационных стратегий древних популяций человека к менявшимся природным условиям, потому что стоянки (Гунванлинь, Лантянь, Кэхэ, Динцунь, Байсэ), на которых найдены эти артефакты, отделены друг от друга не только сотнями тысяч лет, но и значительными расстояниями [Hou Yamei, Potts, Yuan Baoyun et al., 2000; Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1991].

Мультирегиональная эволюция человека и своеобразие развития каменной индустрии на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, на мой взгляд, достаточно убедительно подтверждаются многочисленными фактами. Например, свидетельствами заселения Австралии человеком более 40 тыс. л.н. [Allen, 1989; Roberts, Jones, Smith, 1990]. Несмотря на резкое понижение уровня Мирового океана в то время и возможное наличие обширного шельфа

и мелководья между островами, отделяющими п-ов Малакка и Австралию, преодолеть это пространство и заселить континент мог только человек, имевший достаточно высокий технический уровень и адаптационные способности. Дальнейшее развитие культуры и самого физического типа человека происходило в Австралии изолированно. Судя по проявлениям поведенческих и адаптационных стратегий, это был человек современного физического типа [Bowdler, 1992]. Об этом свидетельствует также появление искусства, возраст которого превышает 18–32 тыс. лет [Banh, 1994]. Имеется сообщение о зафиксированных в Южной Австралии петроглифах, датируемых $42\,700$ и $43\,140 \pm 3\,000$ л.н. [Bednarik, 1992]. Эти факты, безусловно, требуют проверки, но игнорировать их на данном этапе не следует.

На территориях Восточной и Юго-Восточной Азии *Homo erectus*, первым заселивший эти пространства, дал начало формированию *Homo sapiens sapiens*, включая его ископаемый и *Modern Man* типы.

В данных регионах эволюция индустрии хотя и отличалась своеобразием, однако проходила в русле процессов, развивавшихся на остальной части Евразии в плейстоцене, в пользу чего можно привести немало аргументов. Вместе с тем, несомненно, это были два разных мира. На основании современных знаний о древнейших миграциях в Евразии можно вернуться к идее, высказанной Х. Мовиусом 60 лет назад [Movius, 1944]. Он писал, что палеолитическую индустрию Юго-Восточной и Восточной Азии отличает от культуры остальной Евразии, где представлены ручные рубила, широкое распространение чопперов и чоппингов. Эта проблема обсуждалась в сотнях статей и книгах, и вся дискуссия сводилась к поддержке или отрицанию идеи Х. Мовиуса. В настоящее время очевидно, что в Восточной и Юго-Восточной Азии в раннем и среднем палеолите присутствовали чопперы, чоппинги и ручные рубила. На этой территории на протяжении почти миллиона лет с момента первоначального заселения шел независимый процесс развития физического типа человека и его культуры. Современный человек (*Modern Man*) – результат генетической непрерывности между питекантропом (*Homo erectus*) и человеком разумным (*Homo sapiens sapiens*). Индустрия раннего этапа верхнего палеолита Китая, Японии, Кореи и регионов Юго-Восточной Азии существенно отличается от стадийно равнозначных технокомплексов других регионов Евразии. Если не признать мультирегиональную эволюцию человека реальностью, то придется считать, что путь развития протяженностью в миллион лет в истории человека этого огромного региона, где выявлены тысячи местонахождений палеолита и десятки ярких палеоантропологических находок, был тупиковым.

Если это так, то современный человек (*Homo sapiens sapiens*) в результате замещения автохтонных популяций смог бы утвердиться здесь не ранее 30–25 тыс. л.н., потому что его культура, основанная на пластинчатой технике, а именно та, с которой некоторые ученые связывают культуру раннего этапа верхнего палеолита, стала распространяться на территориях Китая и других регионов Восточной и Юго-Восточной Азии ок. 30 тыс. л.н.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А.** Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.
- Амирханов Х.А.** Палеолит юга Аравии. – М.: Наука, 1991. – 342 с.
- Археологические исследования** Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, В.П. Мыльников, Р.У. Ривс, А.И. Кривошпалкин, П. Брантингхэм, Б. Гунчинсурэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.
- Археология, геология и палеогеография** плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Фофонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Археология и палеоэкология** палеолита Горного Алтая: Путеводитель Междунар. симп. (экскурсия № 1): К XIII конгрессу INQUA (КНР, 1991 г.) / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачева, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – 159 с.
- Бар-Йозеф О.** Нижнепалеолитические стоянки Юго-Западной Азии – свидетельства расселения человека из Африки // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М.: Наука, 1997. – С. 41–63.
- Вишняцкий Л.Б.** Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 213 с.
- Волошин В.С.** Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Караг. гос. ун-та, 1987. – С. 3–13.
- Волошин В.С.** Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. – 1988. – № 4. – С. 199–203.
- Волошин В.С.** Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. / СО АН СССР. ИИФиФ. – Новосибирск, 1990. – С. 99–106.
- Вэй Ци.** Первоначальные исследования палеолита в Дунгута // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бян (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 115–128 (на кит. яз.).

Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцзоань. Новые раскопки палеолитических местонахождений в многослойном комплексе Нихэвань // Жэньяэй сюэбао. – 1983. – Вып. 4, № 3. – С. 105–114 (на кит. яз.).

Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д. Новые находки костных останков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 128–139.

Герасимов И.П., Величко А.А., Любин В.П., Праслов Н.Д. Древние люди в Европе и условия их обитания (первые результаты совместных советско-французских исследований) // Вестн. АН СССР. – 1981. – № 10. – С. 13–24.

Гусейнов М.М. Пещера Азых. – Баку: Элем, 1981. – 84 с.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (культура куручай и этапы ее развития. 1 500 000–70 тысяч лет назад). – Баку: Элм, 1985. – 96 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – Р. 70–103.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 65–69.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексное исследование палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 285 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Славинский В.С., Аношкин А.А., Чикишева Т.А., Вринн П., Милотин К.И., Колобова К.А. Анализ каменной индустрии и антропологических находок из слоя 16 Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 63–75.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Куликов О.А., Шуньков М.В. Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. АН. Сер. геология. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509–513.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Предварительные определения мустьерских индустрий Алтая // Валихановские чтения: Тез. республ. конф. 25–28 марта 1992 г. / АН Казахстана. Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. – Кокшетау, 1992. – С. 18–20.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА. – 1998. – № 4. – С. 17–34.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Пространственно-временные изменения палеолитических индустрий северо-за-

пада Алтае-Саянской горной страны // Палеогеография каменного века. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 32–34.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (Предварит. итоги сов.-япон. экспедиции). – Новосибирск, 1987. – 76 с. (Препринт / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – 328 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цаган-Агуй на южном фесе Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – 80 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 2 (6). – С. 20–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001б. – 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 50–55.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. АН. Сер. геология. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842–846.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексенов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 году // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 80–86.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (10). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Поиски раннего палеолита в Горном Алтае // АО 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 356–357.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М. Новый раннепалеолитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 84–89.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А. Изучение палеолитической стоянки в долине р. Ануй // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 99–104.

Каменный век Казахстана: Исследования Российско-Казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001 гг.) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, Ж.К. Таймагамбетов, С.А. Гладышев, А.А. Цыбанков, В.С. Славинский. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.

Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.М. Малаева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26–45.

Любин В.П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археол. вести. – 1998. – № 6. – С. 15–39.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо-1 (Центральный Кавказ). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2004. – 269 с.

Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. – 1990. – № 4. – С. 5–15.

Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1964. – № 6. – С. 14–21.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алмата: Наука КазССР, 1970. – С. 200–216.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки // Тр. Приленской археол. экспед.: Докл. Междунар. Север. археол. конгресса, г. Ханты-Мансийск, 9–14 сент. 2002 г. – Якутск, 2002. – 60 с.

Окладников А.П. Улалинка – древнейшее палеолитическое поселение в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1971. – Вып. 1, № 1. – С. 131–133.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Ранов В.А. Предисловие // М.М. Гусейнов. Древний палеолит Азербайджана (культура куручай и этапы ее развития. 1 500 000–70 тысяч лет назад). – Баку: Элм, 1985. – С. 3–5.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (Изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.

Ранов В.А. Проблема внетропического происхождения человека: миф и реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 16–20.

Син Гао. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 2–12.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 125–138.

Ю Юйчжу. Новые материалы палеолитического памятника Сяочанлянь в провинции Хэбэй и проблемы его датировки // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бян (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 92–98 (на кит. яз.).

Allen I. When did humans first colonise Australia? // Search. – 1989. – Vol. 20. – P. 149–154.

Andrews R.Ch., Osborn H.F. On the trail of Ancient Man: A narrative of the field work of the Central Asiatic Expeditions. – N.Y.; L.: Garden City Publication Co., – 1926. – 370 p.

Banh P.G. New Advances in the Field of Ice Age Art // Origins of Anatomically Modern Humans / Eds. H. Matthew, D.V. Nitecki. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 121–132.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: Chronology and Cultural Entities // Man and Environment in the Paleolithic. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247–263. – (Etudes et recherches Archéologiques de L'Université de Liège; N 62).

Bednarik R.G. Oldest dated rock art: A revision // The Artefact. – 1992. – Vol. 15. – P. 39.

Bowdler S. *Homo sapiens* in Southeast Asia and the Antipodes: Archaeological Versus Biological Interpretations // The Evolution and Aispersal of Modern Humans in Asia / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-sha, 1992. – P. 559–589.

Cann R.L., Stoneking M., Wilson A.C. Mitochondrial DNA and human evolution // Nature. – 1987. – Vol. 325. – P. 31–36.

Coppens Y. Evolution de l'Homme // C.R. Acad. Sci. Ser. Gen. – 1986. – Vol. 3, N 3. – P. 227–243.

Dart R. Australopithecus africanus. The man-ape of South Africa // Nature. – 1925. – Vol. 115. – P. 195–199.

Dennel R.W., Rendell H.M., Hailwood E. Artefacts du Pliocene Tardif dans le Nord du Pakistan // L'Anthropologie. – 1988. – Vol. 92. – P. 927.

Dennel R.W., Rendell H.M., Hailwood E. Early tool-making in Asia: Two million year old artefacts in Pakistan // Antiquity. – 1988. – Vol. 62, N 234. – P. 98–106.

Derev'anko A.P. Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations (inform-operative material) / Academy of Sciences of the USSR. Siberian Division. Inst. of History, Philology and Philosophy. – Novosibirsk, 1990. – 123 p.

- Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T.** New Discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its Geological – Geomorphological Position // The INQUA Intern. Sympos. On Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits in the Asian and Pacific Region. – Bangkok: CCOP Technical Secretariat, 1991. – P. 119–132.
- Derevianko A.P., Shunkov M.V.** Archaeological investigations in the Anui River basin // Altaica. – 1992. – N 1. – P. 8–12.
- Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianshvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Maisuradze N., Pavlenishvili E., Schmincke H., Sologashvili D., Tvalcrelidze M., Vekua A.** Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. – 1991. – Bd. 36. – S. 67–116.
- Hou Yamei, Potts R., Yuan Baoyun, Guo Zhengtang, Deino A., Wang Wei, Clark I., Xie Guangmao, Huang Weiwen.** Mid-Pleistocene Acheulean – like Stone Technology of the Bose Basin, South China // Science. – 2000. – Vol. 287, N 5458. – P. 1622–1626.
- Jacob T., Curtis H.** Preliminary Potassium / Argon Dating of Early Man in Java // Contrib. Univ. of Calif. Arch. Res. Facil. – 1971. – N 12. – P. 50–54.
- Jelinek A.J.** Problems in the Chronology of the Middle Paleolithic and the First Appearance of Early Modern *Homo Sapiens* in Southwest Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusen-sha, 1992. – P. 253–275.
- Jia Lanpo.** Early Man in China. – Beijing: Foreign Languages Press, 1980. – 60 p.
- Jia Lanpo, Huang Weiwen.** The Paleolithic Cultures of China // Quaternary Science Reviews. – 1991. – N 10. – P. 519–521.
- Keats S.G.** Archaeological Evidence of Hominid Behaviour in Pleistocene China and Southeast Asia // Courier Forschungs Institut Senckenberg. – 1994. – Bd. 171. – S. 141–150.
- Kelly J., Pilbeam D.** The Driopithecus: Taxonomy, Comparative and Phylogeny of Miocene Large Hominoids // Comparative Primate Biology. – 1986. – Vol. 1: Systematics, Evolution and Anatomy. – P. 361–411.
- Liubin V.P., Bosinski G.** The earliest occupation of the Caucasus region // The earliest occupation of Europe. – Leiden: University of Leiden, 1995. – P. 207–253.
- Movius H.L.** Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. – Cambridge: Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 1944. – 126 p.
- Ranov V.A.** The Loessic Palaeolithic in the Southern Tajikistan, Central Asia: industries, chronology and correlation // Quaternary Science Reviews. – 1993. – Vol. 14. – P. 731–745.
- Ranov V.A., Schäfer J.** Loessic Palaeolithic // Archaeology, Ethnology and Ethnography of Eurasia. – 2000. – N 2 (2). – P. 20–32.
- Roberts R.G., Jones R., Smith M.A.** Thermoluminescence dating of a 50 000-year-old human occupation site in northern Australia // Nature. – 1990. – Vol. 345. – P. 153–156.
- Sartono S.** Characteristics and Chronology of Early Man in Java // Congrès Internationale de Paléontologie Humaine. – Nice: [N.p.], 1982. – Vol. 1. – P. 491–533. – (Pretirage).
- Schwarcz H.P., Rink W.J.** Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // Neanderthal and Modern Humans in Western Asia. – N.Y.: Plenum Press, 1988. – P. 57–68.
- Semah F., Saleki H., Falgueres Ch.** Did Early man reach Java during the Late Pliocene? // J. of Archaeological Science. – 2000. – N 27. – P. 763–769.
- Semaw S.** The World's Oldest Stone Artifacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2,6–1,5 Million Years Age // J. of Archaeological Science. – 2000. – N 27. – P. 1197–1214.
- Semaw S., Renne P., Harris I.W.K., Feibel C.S., Bernor R.L., Mowbray R.** 2,5 million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia // Nature. – 1997. – N 385. – P. 333–336.
- Strait D.S., Grine F.E., Moniz M.A.** A reappraisal of Early Hominid Phylogeny // J. of Human Evolution. – 1997. – Vol. 32, N 1. – P. 17–82.
- Swisher C.C. III, Curtis G.H., Jacob T., Getty A.G., Suprijo A., Widiasmoro.** Age of the Earliest Known Hominids in Java, Indonesia // Science. – 1999. – N 263. – P. 1118–1121.
- Tchernov E.** Eurasien-African Biotic Exchanges through the Levantine Corridor During the Neogene and Quaternary: Mammalian Migration and Dispersal Events in the European Quaternary // Courier Forschungs Institut Senckenberg. – 1992. – Bd. 153. – S. 103–123.
- The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevianko, D.B. Shimkin, W.R. Powers.** – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – 406 p.

Материал поступил в редколлегию 14.05.05 г.